

Та, у которой он УКРАДЕН...

О жизни и смерти композитора Микаэла Таривердиева рассказывает его молодая вдова: они встретились, когда ему было 52, а ей - 26...

«Ирония судьбы...», «Семнадцать мгновений весны», «Король-олень» - музыка народная. В том смысле, что народ знает и поет. А автор - Микаэл Таривердиев, замечательный композитор, писавший музыку простую и сложную, но всегда прекрасную. Последняя его любовь и жена - Вера. Она говорила ему «вы», и ему это очень нравилось. Он был ровню вдвое старше, когда они встретились.

Оба знали, что это судьба.

- Кем был для вас Таривердиев до знакомства и после?

- Самое смешное, что до - никем. Мой отец основал факультет журналистики Воронежского университета, но телевизора в доме никогда не было, мы получали массу газет, но я их не читала. Однажды услышала по радио «Кто тебя выдумал, звездная страна...». И заплакала.

В тот год, когда я уехала в Москву, смотрела «Иронию судьбы...», но и тогда не знала, кто он такой. Все началось внезапно. И сразу все соединилось. Я окончила Институт Гнесиных, работала в «Советской культуре», мне нужно было найти человека, кто бы написал о новой вещи Родиона Щедрина. Я узнала, что с ним дружит Таривердиев и готов написать. Позвонила. Мы встретились на репетиции его концерта в зале Чайковского, с тех пор я так люблю этот зал.

- Вы встречали и других людей - ничего подобного не происходило?

- Нет, конечно. Разве может быть кто-то похож на него? Он совершенно отдельный человек. Необычайного обаяния. Все дворники, уборщицы, санитарки были его. Огромный мир. Нам показалось, что встретились два человека одной крови.

- До него у вас никого не было?

- Я была замужем, у меня был ребенок. Он в этот момент был свободен. Он много раз женился и разводился. Мы встретились как взрослые люди.

- Он был любвеобилен?

- О нем нельзя сказать так. Просто любовь - это пространство, в котором он жил. И если он женился много раз, то не потому что ему нужна была смена впечатлений. Он искал.

- Кто-то кого-то завоевывал?

- Мы не завоевывали друг друга совершенно. Мы как-то приближались. Буквально через несколько дней мы оказались на фестивале в Вильнюсе. Романтическое место, романтическая погода, и вдруг все отодвинулось, и мы остались вдвоем, и сразу стали вместе. А потом несколько лет жили в такой ситуации двойной. У нас был собственный мир. Вообще людям очень полезно быть вдвоем, когда есть только они и больше ничего.

- Это счастье, которое не каждый выпадает в жизни.

- Люди не умеют этим распорядиться. Они немедленно хотят стать собственниками.

- В Лондоне в 90-м. Он очень здоровый человек по конституции, но абсолютно без кожи, страшно ранимый. То, что он прожил почти 65, для него много, потому что он так их прожил и столько сделал. Он ходил на водных лыжах, стал кандидатом в мастера по виндсерфингу. Благодаря спортивному телу, мышцам, которые брали на себя работу сердечной мышцы, он жил. А его убивали. Союз композиторов - единственное место, где его не любили. Он страшно переживал. Вознесенский говорил: «Ты хочешь остаться целкой в бардаке». А он, как человек сильный и человек тбилисский, не давал другим увидеть свои острые эмоции. Поэтому больное сердце.

Он пережил первый инфаркт, когда умерла мама. Потом сняли с постановки за несколько дней до премьеры его балет «Девушка и смерть». А через год ему поставили диагноз: разрушается клапан, нужна операция, которую делают в Англии.

Два года под дамокловым мечом. Мы надеялись на чудо.

На записи на «Мосфильме» он потерял сознание и упал, очнулся, довел запись до конца, приехал домой - и уже не встал. Мира Салганик, которую он считал сестрой, сказала: Мика, если я устрою операцию в Лондоне, поклянись на Библии, что дашь согласие. Он в это не верил, поэтому дал согласие. Через что мы прошли, я описать не могу. Когда нас уже ждали, когда деньги на операцию выделило правительство Великобритании, нам не давали документов на выезд. Помог Чингиз Айтматов. В день, когда я получила паспорта,

светило солнце, приезжаю - и в эту ночь он попадает в реанимацию Бакулевского института. Я прихожу к профессору Бураковскому: что делать, лететь или не лететь? Он говорит: не знаю, скажу «не лететь» - он здесь умрет, «лететь» - умрет по дороге или там операцию делать уже откажутся. Мы полетели.

- Сколько лет он после этого прожил?

- Замечательный кардиохирург Терри Льюис подарил ему шесть лет жизни. Он прожил бы больше, если бы...

- Если бы что?

- Я называю это чемоданной историей. Почти мистика. Нас всегда преследовали чьи-то тяжеленные чемоданы. Кто-то поручал, ему нельзя было их поднимать, а он поднимал.

- Брал на себя чужую тяжесть...

- Я сделала так: купила один большой чемодан, другой ма-

Одна, но не одна.

ленький, маленький забивала до отказа и несла сама, а он нес большой, где была пара рубашек. При том, что он очень мудрый человек, он был наивен как ребенок. Говорит: смотри, да у нас багаж ничего не весит.

В последний год сердце вообще отказало, сердечной мышце просто не было. Он, с одной стороны, верил, терял надежду

и снова верил, а с другой - знал, как все будет. В апреле 96-го, ночью, когда он подошел к роялю и стал играть, он к роялю тогда редко подходил, у него уже была студия, где он работал. Я удивилась, а он сказал: я прощаюсь со своим роялем.

«Кинотавр» был как осколок счастливых времен. Он писал всю музыку на море. Он не объяснял музыку. И только две вещи имеют комментарий: концерт для органа «Кассандра» и симфония «Чернобыль». Он писал «Кассандру» в сияющие мирные дни, когда никто не думал, что случится с Сухуми. Как пророчество.

- Как он умер?

- Мы прилетели на «Кинотавр», обратные билеты на 25 июля, ночью, накануне, сидим на балконе и говорим, как

полетим в Индию к тибетке, которая лечит. А 25-го утром... На том же самом рейсе, на который у нас билеты, мы улетели.

- Вы улетели с ним... неживым?

- Это произошло на 15-м этаже в номере с видом на море.

- Что он знал про то, как вы будете жить без него?

- Что я буду заниматься его музыкой. И у нас уже есть международный конкурс органистов его имени в России. Там его обязательное произведение. Был целый период, когда он писал для органа. Он музыку слышал внутри себя, а потом записывал. В каком исполнении слышал, в том и записывал. В какой-то момент стал слышать орган.

Потом началась другая музыка, он написал Концерт для альта. Драма его жизни в том, что никто при жизни не заинтересовался, кто он такой. А он и музыку для кино писал по законам классического искусства.

- Вера, Моцарт похоронен в общей могиле. А Таривердиева все знали...

- Я всегда приводила ему этот довод с Моцартом. В программе «Острова», недавно на канале «Культура», мне дали возможность сказать о главном.

- А что главное?

- Кто есть Микаэл Таривердиев. Про что он жил. И про что музыка, к которой он шел.

Ольга КУЧКИНА.

Фото из семейного архива.

«Нам показалось, что встретились два человека одной крови...»

- Было ощущение радости или страха?

- Страх появился потом. Как дети встречаются - они отдают эмоциям. Он говорил, что никогда не знал страха, а тут узнал: чувство безумной близости и страх возможной потери.

- Платили слезами, ссорами?

- Мы получили оба то, что невозможно оценить, и каждый из нас заплатил за это.

- Ваша плата - одиночество?

- Что такое одинокая женщина, я хорошо знаю, потому что чувствую иногда это отчаянно. Но человек, который однажды преодолел свое одиночество, уже не одинок. Я одна, но я не одна.

- Вы служили за любовь. А ваш прежний муж? Он легко вас отпустил?

- Нет, это было ужасно.

- У Таривердиева была операция?

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ родился в Тбилиси 15 августа 1931 года. Окончил в 1957 году Гнесинку. Ученик Арама Хачатуряна. Написал музыку к 132 фильмам, 4 балета, 4 оперы, более ста романсов, симфонию для органа «Чернобыль». Его опера «Кто ты?», написанная в

1966 году на сюжет Василия Аксенова, открывала Камерный театр Бориса Покровского. В этой опере звучит знаменитая песня «На Тихорецкую состав отправится».

За музыку к фильму «Ирония судьбы...» был удостоен Госпремии. Лауреат восемнадцати международных премий, в том числе Американской академии музыки.

Умер 25 июля 1996 года.

Таривердиев Микаэл